

Н.Е. Кудрин

**Очерки современной
Франции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Е. Кудрин**
Очерки современной Франции / Н.Е. Кудрин – М.: Книга по Требованию,
2014. – 620 с.

ISBN 978-5-458-52249-6

В данной работе рассматривается история Франции в XIX веке: психология французского народа, роль личности в истории, социальная история Франция (дворянство, крестьяне, рабочие), культурная жизнь (наука, литература, отдельно рассматривается вопрос о марксизме), а также борьба реакции и прогресса в единой и политической сферах (особое место уделяется делу Дрейфуса).

ISBN 978-5-458-52249-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РѢТЬ АВТОРА.

Настоящая книга составилаь изъ корреспонденцій, которыя я уже шесть лѣтъ посылаю въ «Русское Богатство» изъ Франціи. Слѣдуя совѣту Н. К. Михайловскаго, предложившаго мнѣ сотрудничество въ журналѣ, я по возможности старался оставиваться на «длящихся явленіяхъ французской жизни», предоставляя газетнымъ корреспондентамъ знакомить публику съ текущими событіями и мимолетными фактами. Насколько я выполнилъ эту задачу, судить не мнѣ, а читателю. Мнѣ хотѣлось бы, однако, думать, что мои письма даютъ извѣстное понятіе о Франціи, которую я успѣлъ узнать за двадцать лѣтъ, а узнавъ, горячо полюбить, и полюбить прежде всего какъ «страну великихъ социологическихъ опытовъ», упорно и страстно ищущую, — несмотря на всѣ свои ошибки, увлеченія и разочарованія,—практическіе пути къ лучшему будущему всего чело-вѣчества.

Изъ четырехъ-пяти десятковъ написанныхъ мною до сихъ поръ корреспонденцій въ книгу могла войти приблизительно лишь половина: приходилось выбирать. Я руководился при этомъ выборѣ большею или меньшею законченностью этюдовъ, большимъ или меньшимъ интересомъ или поучительностью изучаемыхъ явленій, наконецъ, простымъ желаніемъ освѣтить по возможности разныя стороны французской жизни. Мнѣ показалось, что выбранныя мною письма могутъ быть разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ, хотя и не строго отграниченныхъ между собою категорій: я слѣлалъ эти подраздѣленія для большаго удобства читателей.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ я не измѣнилъ первоначальнаго текста, но лишь отъ времени до времени подновлялъ подстрочными примѣчаніями быстро старѣющій матеріалъ, достав-

ляемый неустанною эволюціей личностей и явленій во Франціи. Одинавъ—два этюда появляются, впрочемъ, здѣсь, въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ на страницахъ «Русскаго Богатства».

Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, что оттѣнки моего отношенія къ личностямъ и вещамъ не всегда одни и тѣже. И это понятно: несмотря на одно общее міровоззрѣніе, которое проникаетъ всѣ этюды, они писаны не фонографомъ, а живымъ человекомъ, оставляющимъ за собою право вносить поправки въ свои оцѣнки. Вспомните Мишле, который любилъ, какъ онъ выражается, *dater ses justices*, т. е. отмѣчать моментъ своихъ приговоровъ о политическихъ дѣятеляхъ съ тѣмъ, чтобы регулировать эти историческіе портреты по мѣрѣ того, какъ измѣнялись и опредѣлялись сами личности въ водоворотѣ событій. Не забудьте, что инныя изъ моихъ писемъ раздѣлены промежуткомъ въ шесть лѣтъ, а это большой періодъ времени для интенсивно и лихорадочно живущей страны. Въ виду этого я почти всегда отмѣчаю въ сноскѣ или самомъ текстѣ моментъ написанія этюда...

Но не довольно-ли предварительныхъ объясненій къ непретенціозной книгѣ, представляющей простой сборникъ журнальныхъ статей, которыя носятъ слѣды и отмѣчены всѣми недостатками спѣшной срочной работы?

ОЧЕРНИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

La salute o la perdizione degli stati son oggi riposte nelle Idee e nelle classi democratici. Chi le ha contro è sfidato; perchè la democrazia cresce ogni giorno terribilmente, invadi tutti gli ardicci e acquista verbo dalle sue sciagure.

Gioberti.

«Спасеніе и гибель государствъ покоятся въ настоящее время на демократическихъ идеяхъ и классахъ. Кто имѣетъ ихъ противъ себя, тотъ погибъ; ибо демократія страшно растетъ съ каждымъ днемъ, все завоевываетъ и пріобрѣтаетъ силу даже въ пораженіяхъ своихъ».

Джюберти.

Народъ и его характеръ.

Психологія француза.

(Письмо первое).

Карнаваль... Политическій горизонтъ, выражаясь возвышеннымъ слогомъ газетчиковъ, былъ подернутъ тучами: „конфликтъ“ между Сенатомъ и Палатой; разговоры о таинственномъ, но во всякомъ случаѣ ужасномъ будущемъ, куда увлекало Францію радикальное министерство (весной 1896 г.); негодование людей солидныхъ и имущихъ на политику вынѣшняго правительства. А на заправскомъ небѣ сіяло почти совсѣмъ весеннее солнышко, и весь Парижъ предавался въ теченіе трехъ дней самому искреннему веселью. Знаменитый „жирный быкъ“, отошедшій было за погромомъ Имперія въ область прошлаго, снова разѣзжалъ триумфаторомъ въ праздничной колесницѣ по улицамъ, въ сопровожденіи карнавальнаго кортежа, и старый и малый густыми толпами сбѣгались на это зрѣлище. Пущенныя въ ходъ года три тому назадъ узкія ленты изъ разноцвѣтной бумаги (*serpentins*), которыя навертываются въ видѣ диска и, брошенныя въ воздухъ, разматываются длинной спиралью, обвивали, словно лианы, деревья на бульварахъ, образовали цѣлую блестящую сѣтку между домами и падали съ иныхъ балконовъ настоящими каскадами. Конфетти (*confetti*), что свѣтъ, носились по воздуху, покрывая дурачащихся прохожихъ голубыми, красными, зелеными, золотыми блестящими и въ иныхъ мѣстахъ лежали на тротуарахъ и мостовой цѣлыми сугробами въ два три вершка.

Да, смотря на эту трезвую, но осяянную весельемъ толпу, трудно было представить себѣ, что Франція переживала рѣшительную въ парламентской исторіи минуту. Во всей этой праздничной обстановкѣ, декораціяхъ, маскахъ, увеселеніяхъ я лично нашелъ лишь одинъ довольно забавный намекъ на политику. Въ числѣ разныхъ рекламныхъ колесницъ отъ торговыхъ домовъ, магазиновъ, кафе-шантановъ, разѣзжала большая фура, развозившая особый родъ арбалетовъ для бросанья уже упомянутыхъ

бумажныхъ лентъ. Эту новинку изобрѣтательный фабрикантъ пропагандировалъ громадною надписью изъ черныхъ буквъ на бѣломъ полотняномъ фонѣ: „лентометы (*spiroboles*), принятые и одобренные сенатомъ въ войнѣ противъ министерства“. А самъ Парижъ, всецѣло ушедшій въ веселье и не думавшій въ этотъ моментъ о политикѣ, былъ подобенъ манекену каскадной танцовщицы, которая стояла на верху рекламной колесницы отъ увеселительнаго заведенія Bullier, поднимая ногу прямо въ небо, словно вызовъ шиллеровскому Зевсу...

И карающій громъ
Грозно смотритъ на Пергамъ,

неволью пронеслось у меня въ головѣ, и сердце сжималось при воспоминаніи о всевозможныхъ злоключеніяхъ, которыя столько разъ выносилъ беззаботный и жизнерадостный, но героическій Парижъ, и страстно хотѣлось проникнуть въ будущее, которое судьба готовитъ великому городу...

Я вернулся съ карнавальною прогулки, рѣшивъ посвятить эту корреспонденцію типу француза-горожанина, и именно жителя Парижа, который и придаетъ, главнымъ образомъ, своеобразный отпечатокъ исторической жизни страны и опредѣляетъ блескъ, красоту, интересъ и въ то же время неустойчивость, непостоятельность, порою комическій элементъ этой мощной драмы... Попытка очень заманчивая, но и очень трудная. Я заранѣе извиняюсь передъ читателемъ за ея несовершенство и начну съ того, что сдѣлаю нѣсколько оговорокъ.

Теорія устойчивыхъ расъ и прочныхъ физическихъ и психическихъ чертъ, характеризирующихъ ту или другую національность, сдана въ архивъ, если не ошибаюсь, окончательно. Можно лишь говорить о нѣкоторомъ довольно эластичномъ и измѣняющемся типѣ, который чаще другихъ прокидывается въ данной странѣ и объясняется главнымъ образомъ ея социальнымъ строемъ и ея исторіей. И въ этомъ смыслѣ можно разсуждать о типѣ француза, который яснѣе всего выступаетъ въ шумномъ и напряженно-живущемъ Парижѣ, гдѣ стираются и исчезаютъ мѣстныя различія провинціаловъ, стекающихся со всей Франціи въ ея главный торговый и политическій центръ. Старинныя поговорки продолжаютъ еще отмѣчать хвастовство гасконца, скупость и страсть къ наживѣ обитателя Оверни, хитрость и практическую сметку нормандца, упорство бретонца, эгоизмъ жителя Лотарингіи и простофильство жителя Шампани. Но эти черты, которымъ можно и въ прошломъ придавать лишь очень условное значеніе, все болѣе и болѣе стираются въ процессѣ обединяющей и перемешивающей ихъ цивилизаціи. А въ Парижѣ этотъ процессъ идетъ особенно быстро и дѣятельно. Въ сущности, парижанинъ представляетъ идеальный типъ француза, наиболѣе затронутого цивили-

заціей страны, наиболѣе участвующаго въ ея исторической жизни.

Сопоставьте восторженные отзывы о французской націи ея поклонниковъ и крайне рѣзкія сужденія о ней ея хулителей. Французъ—великодушень; французъ—агостъ; французъ—антузіастъ; французъ—разсчетливъ и себѣ на умѣ; французъ ревностно служить прогрессу; французъ консерваторъ и рутинеръ; французъ способенъ чувствовать сильно и долго; французъ почти совершенно лишенъ аффективной стороны. Онъ стоитъ за семью и семейный очагъ; нѣтъ, онъ рабъ чувственности и развращень до мозга костей. Онъ трудолюбивъ; нѣтъ, онъ любитъ лишь праздничную сторону жизни. Онъ—безкорыстенъ: какое безкорыстенъ? онъ скопидомъ и къ деньгамъ питаеъ большую нѣжность. Онъ—демократъ и сторонникъ равенства: будто? а кто больше его властолюбивъ и гонится за орденами и знаками отличія? Онъ тяготеетъ къ спокойной и мирной жизни: онъ вѣчно гонится за мѣражемъ военной славы. И такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ можно было бы набрать многое множество. Я думаю, что и въ восхваленіи, и въ осужденіи французовъ есть доля правды, и что положительныя и отрицательныя стороны характеристики съ извѣстной точки зрѣнія не только примиряются, но даже представляются необходимыми. Эта точка зрѣнія—крупная разница между французомъ, взятымъ въ отдѣльности, и французомъ, наблюдаемымъ въ толпѣ.

Если человѣка называютъ животнымъ общественнымъ, то француза придется признать животнымъ общественнымъ по преимуществу. Въ обществѣ себѣ подобныхъ онъ вибрируетъ настолько усиленно, отражаетъ настроеніе толпы настолько удачно и въ свою очередь влияетъ на нее такъ могущественно, что группа французовъ развиваетъ качества, которыхъ вы никакъ не выведете изъ простой суммы свойствъ отдѣльныхъ личностей. Въ силу этой особенности французу приходится прощать многое за его неутомимую работу въ области общественности и солидарности. Какъ бы вы ни относились отрицательно къ тѣмъ или другимъ сторонамъ его, въ этомъ-то смыслѣ ему ужъ несомнѣнно принадлежить если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историческихъ дѣятелей прогресса. Скажу прямо мысль, которая вотъ ужъ нѣсколько минутъ просится подъ перо: французъ въ отдѣльности далеко не такъ сямпатиченъ, какъ французъ въ общеніи съ другими; французское общество рѣшительно лучше отдѣльнаго француза. Возьмите для сравненія хотя бы русскаго. Взятый отдѣльно, онъ часто можетъ поражать васъ и серьезностью, и теоретическимъ безстрашіемъ мысли, и умѣнемъ войти въ чужой ему психическій міръ, и отзывчивостью на запросы ума и сердца. А взгляните на наше общество: вялое, сонное, бредущее въ разныя стороны, оно положительно напоминаетъ кучу на песку. Дунулъ

вѣтеръ—и разнесъ всѣ эти несвязанныя ничѣмъ между собой пилки; ударила гроза—и ничего не осталось, кромѣ жалкой грязи. Подойдите теперь къ французу, особенно съ той мѣркой, „прекраснаго, душевнаго человѣка“, которая неистребимо заложена въ каждомъ порядочномъ россиянинѣ. Разочарованіе ждетъ васъ на первыхъ же порахъ: французъ и суховатъ, и расчетливъ, и туго какъ будто понимаетъ сокрушающіе васъ вопросы о служебнѣи идеалу, о долгѣ передъ народомъ, и развертываетъ передъ вами совсѣмъ буржуазныя картины личной жизни. Но вотъ какое-нибудь, зачастую пустое, обстоятельство возбудило общественное мнѣніе, и смотришь, все это многомилліонное море человѣческихъ существъ зашевелилось, всколыхалось... Волна опирается на волну, валъ подымается за валомъ, и, глядишь, тотъ самый господинъ, котораго вы вчера клеймили въ глубинѣ своей чуткой и гуманной души прозвищемъ „буржуа“ и „уравновѣшенной природы“, сегодня уже очутился на публичномъ собраніи, въ избирательномъ комитетѣ, въ редакціи газеты, на улицѣ, словомъ, какъ сказалъ бы Успенскій, „въ числѣ драка“, волнуясь, кпя, ораторствуя, пропагандируя, забывая свои личныя дѣла, махая рукой на перспективы буржуазнаго благополучія, тратя тѣ самыя денежки, которыя онъ такъ ловко и аккуратно копилъ...

Французъ—дитя:
Онъ вамъ шутя
Разрушитъ тровъ,
Издастъ закоиъ,—

звучать въ вашихъ ушахъ насмѣшливые стихи, и теперь ваша критика обрушивается на француза уже не за его расчетливость, за изменчивость его идеаловъ, а за лишнюю, по вашему мнѣнію, отзывчивость на общественное теченіе, за легкомысліе и смѣшной энтузіазмъ, за пренебреженіе своими насущными интересами... Вотъ на этой двойственности французской природы мнѣ и хотѣлось бы остановиться,

Отрицательныя стороны французской психологіи вытекаютъ главнымъ образомъ изъ нѣкоторыхъ особенностей социальной и культурной жизни страны. Практичность, сухость, эпикуреизмъ и матеріальность стремленій средняго француза, короче сказать, его уравновѣшенность, объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что и населеніе, и характеръ этой страны тоже пришли въ устойчивое равновѣсіе. Говоря это, я ничуть не думаю о той предположенной мистической гармоніи между національностью и окружающею ее средой, которая одно время была въ модѣ даже и между серьезными географами школы Риттера. Я хочу сказать лишь слѣдующее. Франція—идеаль умирѣнныхъ странъ по естественнымъ богатствамъ, плодородію почвы, климату. Осѣвшее въ ней населеніе уже довольно рано и безъ особенныхъ усилій успѣло

развить производительныя силы страны въ такой степени, что можетъ жить безбѣдно и счастливо,—насколько это, конечно, возможно въ предѣлахъ современной цивилизаціи. Когда вы въѣзжаете во Францію, васъ поражаетъ веселый, жизнерадостный видъ жителей: говорю, конечно, сравнительно. Франція въ дѣломъ не макиха, а мать для своихъ дѣтей. Оттого французъ не любитъ разставаться со своей родиной, тоскуетъ по ней, не находя, что называется, мѣста себѣ за границей. Взгляните на француза, котораго судьба забросила за предѣлы отечества. Какъ онъ ждетъ не дождется той поры, когда обстоятельства позволятъ ему вернуться въ „милую Францію“! (слова автора рыцарской „пѣсни о Роландѣ“). Съ какой жадностью онъ слушаетъ ваши рассказы о томъ, что дѣлается въ его „дорогомъ Парижѣ“! Какъ плохо онъ умѣетъ приспособляться къ новымъ условіямъ и входитъ въ интересы времени пріютившей его страны!

Съ другой стороны, что за могущественное притяженіе Франція оказываетъ на окружающія національности! И я говорю не о привилегированныхъ классахъ, не о людяхъ, живущихъ интересами мысли и развитія, и не о представителяхъ международного шалопайства. Я имѣю въ виду простыхъ рабочихъ, всѣхъ этихъ бельгийцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, испанцевъ, которые дѣлами сотнями тысячъ живутъ во Франціи, въ то время какъ на ихъ родинѣ вы едва-ли найдете одного сѣвшаго француза на десять эмигрировавшихъ оттуда во Францію жителей. И какъ легко французскій строй жизни втягиваетъ этихъ людей въ интересы страны, и какъ быстро Франція становится для нихъ новымъ и лучшимъ отечествомъ! Вотъ что я понимаю, говоря о равновѣсіи между Франціей и французами, объ ихъ эгоистическомъ эпикуреизмѣ, ихъ довольствѣ судьбой и нежеланіемъ летѣть за вами на крыльяхъ идеала далеко отъ этой земли, на которой имъ такъ сравнительно легко живется...

Но я упомянулъ еще раньше и теперь снова упоминаю о „сравнительности“ этого счастья. Современная цивилизація даетъ себя такъ знать, и другія несимпатичныя стороны французской „души“ объясняются особыми формами, въ которыхъ эта цивилизація облечена во Франціи *). Поклонники свободной конкуренціи и ожесточенной борьбы личныхъ интересовъ намъ уши прожужжали, говоря о высотѣ типа этой цивилизаціи, о благодѣтельности ея и для индивидуума, и для вида. Она-де развиваетъ умъ, укрѣпляетъ характеръ, усиливаетъ энергію, словомъ, надѣ-

*) Собственно говоря, эта цивилизація создала даже нѣсколько довольно различныхъ «душъ», смотри по классамъ. Но перебирать ихъ одна за другой въ этой статьѣ было бы слишкомъ сложно и долго.

ляеть людей всяческими великими и богатыми милостями. Нѣтъ ничего поучительнѣе для сторонниковъ этой теоріи, какъ поѣздка во Францію съ цѣлью хорошенько присмотрѣться къ здѣшней жизни. Здѣсь современная культура приняла наиболѣе привлекательныя и потому наиболѣе опасныя формы. Франція во многихъ отношеніяхъ есть классическая страна буржуазіи. Конечно, нѣкоторыми своими сторонами цивилизація Франціи отстала отъ послѣдняго слова человѣческой эксплуатаціи, какъ мы наблюдаемъ ее хотя бы въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Но французская жизнь въ цѣломъ несомнѣнно представляетъ идеальный типъ общества, основаннаго на борьбѣ личныхъ интересовъ. Подумайте: здѣсь капиталъ нашель не только своихъ практическихъ представителей и поборниковъ, своихъ пророковъ и философовъ, но онъ создалъ блестящихъ художниковъ и поэтовъ, которые, подобно добродѣтельнымъ сыновьямъ Ноя, прикрываютъ одежды наготу своего отца,—мало того, что просто прикрываютъ, стараются о красотѣ этихъ одеждъ, объ изяществѣ ихъ складокъ.

Конечно, все это есть вездѣ. Но нигдѣ это не проявляется съ такимъ подчеркиваніемъ эстетическаго, возвышеннаго элемента. Какъ вы думаете, какой аргументъ чаще всего пускается здѣсь въ ходъ сторонниками классовой цивилизаціи въ борьбѣ противъ ея враговъ? Скука и монотонность много строя, упадокъ чувства прекраснаго, уничтоженіе изящной роскоши! Я живо помню, какъ одинъ изъ бульварныхъ газетчиковъ, истощивши въ полемику съ „новыми варварами“ запасъ своихъ рѣжущихъ, колющихъ и разрывныхъ орудій борьбы, побѣдоносно заключить свою забавную, но нелѣпую статью слѣдующимъ наивнымъ этюдомъ съ натуры. Принцесса де-Саганъ (Sagan) пригласила своихъ друзей и знакомыхъ къ себѣ на яхту погостить нѣсколько дней. Обѣдали на закатѣ солнца у береговъ Нормандіи, затѣмъ былъ отданъ приказъ капитану плыть по направленію къ Англіи. И вотъ, лишь наступила темнота, какъ яхта освѣтилась тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ; музыканты, скрытые въ мачтахъ, дружно ударили въ смычки и трубы; и по палубѣ завертѣлись изящныя пары, кавалеры и дамы, носящіе самыя старинныя фамиліи Франціи. И такъ великосвѣтскій балъ затянулся далеко за полночь, и яхта, залитая огнями, тихо подвигалась, чуть натягивая паруса на легкомъ тепломъ вѣтеркѣ, и еле-еле билась въ ея грудь волна Ламанша... Но вотъ загорѣлась заря, вотъ показалось и солнце, освѣщая мѣлковыя скалы уже близкой Англіи, и изъ каюты важно вышелъ на палубу духовникъ принцессы, приглашая навеселившихся гостей почтить Творца солнца, моря и всей природы умиленной утренней молитвой. И не одна граціозная головка, согрѣвшившая мыслями и желаніями во время бала, касалась бѣлымъ лбомъ платка, брошеннаго на палубу, и роняла